Ася Гусева

Как я стала бандиткой

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Настоящей бандиткой я стала довольно для себя неожиданно. То есть я ею уже была, а сама еще об этом ничего и не подозревала.

Некоторые тенденции к этому я, конечно, проявляла с раннего детства…»

- Ася Гусева
  - ○

Ася Гусева
Как я стала бандиткой

Настоящей бандиткой я стала довольно для себя неожиданно. То есть я ею уже была, а сама еще об этом ничего и не подозревала.

Некоторые тенденции к этому я, конечно, проявляла с раннего детства.

Например, когда мне было года четыре, меня постигла первая любовь – бескомпромиссная, отчаянная, полная самоотречения и жертвенности. Полюбила я участкового милиционера по имени Андрей. Мне очень хотелось помогать ему во всем, а особенно в отлавливании преступников. Я даже готова была сама стать преступницей, а потом помочь ему меня отловить. Однажды я оборвала все листья с куста сирени у подъезда и понесла их любимому, спрятав в кулаках за спиной. «А что, – начала я издалека, – посадят ли в тюрьму тех, кто обрывает листья у беззащитных растений?» – «Конечно, – подтвердил мои надежды милиционер Андрей. – Обязательно посадят». – «А вот! – выпалила я и выставила перед собой руки с листьями, как, наверное, смелый ковбой выхватывает пистолет из-за пазухи. – Вот доказательство преступления!» А потом уже интригующе добавила: «Я могу вам и преступника показать, я ведь знаю, кто это…»

Но до преступников дело не дошло. Милиционера Андрея перевели на другой участок, и больше мы никогда не виделись.

Так вот, однажды меня вызвали перед всем классом первым «Б» французской школы номер 33 и потребовали немедленно извиниться перед какой-то девочкой за то, что я побила ее в туалете.

Как я не помню имени этой девочки, так я не помню и того, что ее побила.

Более того, подозреваю, что этого и не было вовсе.

Думаю, она попросту придумала, что я ее побила. Например, для того, чтобы обратить на себя внимание. Такое бывает. Или для того, чтобы оправдаться. Например, накатила на нее вдруг неимоверная тоска, как на князя Гвидона, и она расплакалась посреди класса. И вместо того, чтобы честно признаться, что плачет без всякого реального повода, испугалась и придумала тут же это бессмысленное вранье – что ее побили. «Кто?! Кто тебя побил, бедное дитя?!» – заголосила наверняка учительница. И девочка, имени которой я не помню так же, как не помню и ее

лица – только коричневые банты на куцых косичках, подняла неуверенно руку и указала пальцем на меня.

А я в этот момент ничего и не знала. Даже, может быть, стояла к ней спиной. И думала совсем о другом…

Тем не менее по свойственному мне с детства миролюбию, я подошла к ней и прощения попросила. Но добавила, конечно, что ничего вообще-то плохого не делала. Учительница разволновалась и запричитала, что я мало того, что бью детей, так еще и вру как сивый мерин. Сравнение с сивым мерином меня даже и не обидело, но вот то, что мне не поверили, сильно смутило. Учительница потребовала еще раз, уже погромче попросить прощения у девочки, чтобы все слышали. Я попросила его еще раз погромче, так, что теперь уже слышали все наверняка, даже и в соседних классах. А может быть, и на Пантелеевской улице. И я опять повторила, что не била никого.

Учительница от этого окончательно расстроилась, сокрушенно прошептала: «Настоящая бандитка…», и меня тут же исключили из октябрят.

Это было странно и очень несправедливо.

Но довольно быстро после этого наступило лето, и я поехала, как всегда, к любимому моему дедушке в Алма-Ату, где в огромном саду созревали самые разные растения, в том числе и совершенно неизвестные науке, потому что они появлялись в результате неистощимой фантазии жены моего дедушки. Там, например, росла яблоня, у которой все ветки были разного сорта, а на одной и вовсе росли лимоны. Правда, со вкусом яблока.

К осени я вернулась в Москву и пошла в другую школу. Очень хорошую. Класс у нас был дружный, и много чего у нас происходило веселого. Но и странности все же случались.

Так, однажды, классе в пятом, меня неожиданно вызвали к доске.

И тут надо сказать, что у меня была подружка – Юля Гнездилова. Юля была девочка очень тихая и умная, она много читала, и от этого у нее даже стало портиться зрение, и она ходила в очках. Мы с Юлей постоянно обменивались книжками, читали взахлеб: и в транспорте, и дома, и перед сном, и вместо сна, и по дороге в школу, и на переменах, едва успевая дождаться конца урока… Один раз, я помню, к нам подошла наша одноклассница и что-то спросила, но мы ей сказали оставить нас в покое. Так и ответили: «Отстань от нас, Иванова! Не видишь? Мы заняты!»

Иванова обиделась, но ушла.

И вот на следующий буквально день нас с Юлей вызывают к доске.

Наша классная руководительница Зоя Анатольевна стоит со скорбным лицом, а мама Ивановой с разметавшимися волосами, полная праведного гнева и справедливого возмущения, на нас кричит.

Оказалось, что нас обвиняют в том, что мы с Юлей эту самую Иванову побили! В туалете.

То есть в моей жизни это случилось уже второй раз – меня обвиняли, что я побила в туалете девочку, хотя я точно помнила, что этого не было.

И не в туалете тут дело.

И, видимо, не в этих девочках.

Снова встал вопрос о том, что надо публично просить прощения.

Юля была, как я уже сказала, тихой, но очень упрямой. Едва слышным голосом она наотрез отказалась признавать свою вину, вспомнила пионеров-героев, которые даже под пытками не раскрывали тайны нашей армии фашистам во время войны, и твердо пообещала поступить так же, как и они, хоть ее режь.

Передо мной же опять встал вопрос: со свойственным мне миролюбием я была готова признать свою несуществующую вину, но после высказанной решимости Юли не отступать и не отдавать врагу ни пяди родной земли поняла, что не смогу.

«Настоящие бандитки!» – кричала на нас мама Ивановой, а я отметила, что слышу это в своей жизни второй раз, и приготовилась к тому, что сейчас нас с Юлькой исключат из пионеров, что было бы настоящим позором.

Но из пионеров нас не исключили, потому что пришла директор школы и позвала нескольких девочек к себе для доверительной беседы о раннем курении.

Девочки пока еще курить не начали, но именно после этой беседы, как мне кажется, твердо решили обязательно начать. Пусть ценой тошноты и зеленого цвета лица, пусть ценой головной боли и ужасного запаха изо рта – главное было выполнить как можно больше из того, в чем нас всех обвинили.

Иванову, правда, бить мы не стали. Хотя хотелось, конечно, что уж скрывать.

Она потом ушла из нашего класса. Кажется, в новой школе у нее отношения тоже как-то не сложились.

Уж не знаю, били ее там или нет…

Но самое удивительное, что потом, много лет спустя, меня и в третий раз обвинили в том, что я кого-то побила.

На этот раз уже это был очень худой взрослый соседский дяденька с седыми волосами, впалыми щеками и глазами навыкате. Он почему-то пытался вселиться к нам в квартиру и

забрать себе все наши книги, картины, старые серебряные ложки и даже крошки со стола. А когда у него это все не получилось, очень на нас обиделся.

Перед ним – я уж и думать не стала – извинилась сразу же. Мало ли, что там может взбрести обиженным дяденькам в голову. Уж лучше извиниться от греха и держаться потом подальше.

Дяденька меня, конечно, не простил, стал по всему городу развешивать объявления о том, что я – настоящая бандитка, а со мной стал стараться нигде не встречаться. Думаю, он просто испугался. Наверное, почувствовал, что я уже готова проявить все свое миролюбие и побить его по-настоящему.

Но я этого даже и не успела, потому что он внезапно умер.

Кажется, это было летом. Примерно 21 июля. Но к этому я уж точно не имею никакого отношения. Дай бог ему на том свете спокойствия.

И жалко, конечно, что он умер – мог бы ведь и пожить еще некоторое время.

Да, видно, не смог.